

УДК 908

Демьяненко А.Н., Дятлова Л.А.

Общий замысел Амурской экспедиции 1910 года и краткий обзор ее Трудов

The vision of the Amur expedition in 1910 and a brief overview of its works

---

В статье рассматриваются цели и задачи Амурской экспедиции, а также дан обзор Трудов Амурской экспедиции.

Ключевые слова: *Амурская экспедиция 1910 года, цели и результаты Амурской экспедиции, организация работа Амурской экспедиции*

This article discusses the goals and objectives of the Amur expedition, as well as an overview of Proceedings of the Amur expedition.

Key words: *the Amur expedition in 1910, the objectives and results of the Amur expedition, organization of work of the Amur expedition*

Предлагаемая статья имеет целью, с одной стороны, ввести читателя в круг вопросов, имеющих отношение к общему замыслу и организации Амурской Экспедиции 1910 года (АЭ), а с другой – дать краткий обзор ее результатов.

Начнем с того, что замысел АЭ, равно как и результаты, полученные в ходе ее, невозможно понять вне исторического контекста, поэтому и обратимся к его рассмотрению.

Определяющим событием рассматриваемого периода была русско-японская война, в результате которой геополитическое положение Российской Империи на Тихом океане существенным образом изменилось не в лучшую сторону. В правительственных кругах и в обществе, включая научное сообщество, встал вопрос: нужен России Дальний Восток и если – да, то в каком качестве.

Крайне важно то, что практически не было голосов в пользу отказа от активной политики России на Тихом океане², другое дело, что выдвигались различные способы реализации новой геополитической стратегии.

---

¹ Работа выполнена в рамках проектов ДВО РАН № 09-И-П24-01, № 09-И-ООН-02.

² Хотя сказать, что их не было вовсе – неверно. Достаточно обратиться к материалам обсуждения проекта Амурской железной дороги в Государственной Думе. Аргументы их были просты и доходчивы: у России есть и другие проблемы, помимо проблем дальневосточной окраины, а, следовательно, нет необходимости растрачивать ограниченные ресурсы государства на Дальний Восток, который к тому же не очень понятен для чего нужен.

В конечном счете, возобладала точка зрения, согласно которой России Дальний Восток нужен и нужен он в качестве не только региона, обеспечивающего военно-стратегические интересы России, но и как бы сказали сейчас, как органическая часть национальной экономики. Более того, предполагалось (и не без оснований), что Дальний Восток и в первую очередь Приамурский край могут стать своего рода локомотивом экономического роста в Азиатской России.

Не случайно, что в период между двумя войнами (русско-японской и Первой мировой) государство оказывало существенное воздействие на весь ход экономического развития региона. Воздействие это принимало форму финансирования крупных инфраструктурных проектов за счет привлечения средств государственного бюджета. Крупнейшим, но не единственным, проектом такого рода была Амурская ж.д., строительство которой, как и Транссиба в целом, имело целью, в отличие от Китайско-Восточной ж.д. и Южно-Маньчжурской ж. д. не столько решение геополитических задач, а создание условий для качественно нового этапа колонизации Дальнего Востока. Не случайно, в официальных изданиях министерства финансов роль дороги связывалась не столько с достижением военно-стратегических целей, и даже не организации транзита, сколько с экономическим развитием Сибири и Дальнего Востока¹. Это в целом соответствовало "восточному проекту" С.Ю. Витте, согласно которому российское присутствие на Тихом океане должно осуществляться не через использование военной силы, а путем экономической экспансии на рынки сопредельных стран².

Новое качество колонизационного процесса заключалось в первую очередь в том, что экономическое развитие Дальнего Востока и, прежде всего его южной части – Приамурского края, должно опираться не на сельское хозяйство, а на промышленность. Приамурский край в предельно короткие сроки должен был превратиться из колонии земледельческой – в колонию индустриальную.

Такая смена, как бы сказали сейчас, стратегии развития экономики региона требовала не только значительных объемов государственных инвестиций в развитие транспортной инфраструктуры, но и научно обоснованных оценок природно-ресурсного потенциала региона, и сложившейся к тому времени территориально-отраслевой структуры экономики, как "района Амурской железной дороги", так и других районов Приамурского края и сопредельных стран.

В целом, несмотря на крайне ограниченные сроки проведения экспедиционных исследований, следует признать, что АЭ в целом справилась с поставленными перед ней задачами: и правительство и местная власть получили не только вполне объективную оценку состояния экономики региона, но и оценку социальных и экономических последствий строительства Амурской железной дороги.

Таких результатов можно было добиться лишь при надлежащей организации работы специалистов различных отраслей знаний и само собой разумеется, при высокой квалификации этих специалистов. Сразу же отметим, что оба эти условия были выполнены.

Во главе АЭ стоял блестяще образованный и не лишенный вкуса к научным исследованиям Николай Львович Гондатти, который на момент назначения его начальником экспедиции имел немалый опыт административной работы³.

¹ См., например: [35].

² Более подробно: [1, 6, 39].

³ Подробно о жизни и деятельности Н.Л. Гондатти, и как исследователя, и как администратора в монографии: [10].

В немалой степени именно благодаря организаторским способностям Н.Л. Гондатти, к исследованиям, выполненным в рамках АЭ, удалось привлечь не только ученых, в ближайшем времени составивших гордость русской науки (В.Н. Сукачев, К.Д. Глинка), но и местных специалистов.

Наконец, вряд ли будет правильно не упомянуть большой вклад в работу АЭ "сведущих людей", ядро которых составляли дальневосточные предприниматели. На всех совещаниях, которые были организованы Н.Л. Гондатти¹, представители деловых кругов не только формулировали свое видение проблем, но и предлагали пути их решения. И хотя все они, как правило, касались частных вопросов, но в совокупности они служили тем исходным материалом, который мог бы стать предметом научных исследований.

И не их вина, что последующие поколения предали забвению результаты научных исследований: упоминания о ТАЭ практически исчезают со страниц научных публикаций с начала 30-х годов. А в редких упоминаниях историков, в том числе и дальневосточных, оценки научных и практических результатов АЭ, если были не уничижительными, то весьма и весьма краткими и, к сожалению, поверхностными.

Мы полагаем, что такие оценки лишь отчасти можно отнести на счет идеологизированности отечественной науки советского периода. Была и другая причина – отсутствие у государства сколько-нибудь внятной экономической стратегии в отношении Дальнего Востока, под которую следовало бы заниматься организацией столь масштабной комплексной экспедиции. Более того, несмотря на многочисленные декларативные заявления о необходимости комплексных региональных исследований, таковые были и не нужны, и невозможны в рамках советской системы управления экономикой и организации научной деятельности².

Особо следует отметить, что результаты, полученные АЭ, в своей основе были доступны не только заказчику, но и, что крайне важно, всем, кого интересовали ответы на вопросы: в каком направлении и каким темпом следует развивать экономику Дальнего Востока.

Материалы исследований были самым оперативным образом подготовлены к публикации и изданы в 1911 – 1913 гг.

Всего было издано восемнадцать выпусков Трудов Амурской Экспедиции (ТАЭ), которые с известной долей условности можно разделить по характеру проблемной области исследования на следующие группы: первая – выпуски, содержащие результаты изучения природной обстановки исследуемого района; вторая – выпуски, имеющие непосредственное отношение к исследованию экономики.

Цели, задачи, методы и организация работ АЭ, как и предварительные результаты с разной степенью полноты были раскрыты в двух типах материалов. Во-первых, это "Общий отчет Амурской Экспедиции за 1910 год" [8] (Отчет) составленный Н.Л. Гондатти и В. Романовым и подготовленный на его основе уже только В. Романовым "Свод первоочередных мер" [32] (Свод).

Не входя в детали, отметим, что и Отчет и Свод свидетельствует о том, что мы имеем перед собой, возможно, один из первых в отечественной истории план колонизации мегарегиона. Причем речь идет о разработке того, что сейчас стало модным называть региональной стратегией.

¹ Напомним, что таких совещаний было проведено семь – в Благовещенске, Зеел-Пристани, Хабаровске, Николаевске, Никольск-Уссурийском, Владивостоке и Харбине.

² Хотя следует признать, что попытки такого рода предпринимались неоднократно и в теоретико-методологическом плане и прикладном. Но по большей части теоретические построения, равно как и, опирающиеся на них работы прикладного характера не были реализованы должным образом.

Конечно, сто лет назад таких слов не знали, но понимание того, что и каким образом следует и в какой последовательности делать, чтобы обеспечить в перспективе качественно новое состояние экономики региона имели.

Второй тип материалов это, прежде всего, "Предисловие", которое предшествует практически всем выпускам ТАЭ и подготовленный Н.Л. Гондатти, а также целый ряд Введений (зачастую безымянных) и различных "пояснений к таблицам и т.п."

Бытует мнение, что предисловие есть некий анахронизм и вещь не очень нужная, если только не бесполезная. Однако "Предисловие" – Н.Л. Гондатти как раз вещь и нужная, и полезная. При этом этот крайне небольшой по размеру текст содержит в себе и обоснование целей исследования, и организацию работ АЭ. Помимо всего прочего "Предисловие" дань уважения авторов к читателям, которые, взяв в руки практически любой из выпусков ТАЭ, имеют возможность войти в круг вопросов, стоявших перед АЭ в целом, о ее целях и задачах.

Цель АЭ была сформулирована следующим образом: "колониционное обследование района Амурской железной дороги и изыскание мер по его заселению" [7, с. 1]. Иначе говоря, цель имела не столько производственно-инфраструктурный характер, сколько социально-экономический. Правда, здесь нужна оговорка: вышеприведенная формулировка цели АЭ, – это то, что было вменено Комитетом по заселению Дальнего Востока. В такой постановке цели акцент делается на исследовании условий района, которые необходимо выявить и оценить на предмет будущего заселения. Но в ходе работ эта цель была вольно или невольно скорректирована. Сама логика исследований выдвигала настоятельную потребность в научной проработке вопроса о плане колонизации и "района Амурской железной дороги", и прилегающих к нему территорий.

Не случайно, в Общем отчете мы находим нижеследующее: "Цель настоящего отчета – ознакомить с общими результатами работ Экспедиции, дать материал для выработки общего колонизационного плана в отношении как района Амурской железной дороги, так и вообще дальневосточных областей и указать наиболее неотложные первоочередные меры" [8, с. 5].

Теперь, что касается границ "района Амурской ж.д." – удивительно, но – факт – они точно не определены¹. Но это и быть не могло, так как "общие колонизационные мероприятия, как содействие экономическому и культурному развитию края и меры борьбы с наплывом сюда иноземцев, а также с экономической зависимостью края от иностранной торговли и промышленности в смежных с ним частях Китайской Империи, не могут изучаться и рассматриваться в отношении района Амурской железной дороги особо от прочих областей Дальнего Востока" [7, с. 1-2].

Итак, что следует из вышеприведенного фрагмента? Во-первых, есть "район Амурской ж. д." и выделяется он как, то следует из контекста, как район реализации крупного инфраструктурного проекта, но есть еще и Дальний Восток, как территориальная социально-экономическая система большей размерности.

Во-вторых, "колониционные мероприятия" и, прежде всего, содействие экономическому развитию края следует рассматривать в связи не только с другими районами российского Дальнего Востока, но и сопредельных стран – Китая в первую очередь.

Еще одна отличительная особенность "Предисловия" заключает-

---

¹ Следует отметить, что аналогичным образом были определены и границы "района Сибирской ж.д.". Скорее всего, это совпадение не случайно: трудно и наверное невозможно точно определить границы района реализации столь масштабных проектов.

ся в том, что оно содержит своего рода анонс всего корпуса материалов, предполагаемых к публикации, вводя читателей в круг материалов, собранных и обработанных в ходе АЭ.

Отдельно следует остановиться на зачастую безымянных вводных статьях к отдельным выпускам трудов и различных пояснений к таблицам и тому подобным материалам, которые помимо своего "служебного" назначения содержат зачастую и крайне ценную информацию, имеющую непосредственное отношение к организации и методам исследований. Так, в частности, в "Пояснениях к таблицам", входящим в первую часть, первого тома второго выпуска ТАЭ, содержится обоснование и методика районирования территории Амурской области по "сословно-территориальному признаку, отчасти земельно-правовому" [24, с. 2], результатом применения которого стало выделение трех районов: казачьего, старожильческого и переселенческого. Однако, на стадии обработки, старожильческий район был разделен на два: центральной части области и периферии [25, с. VII].

Будем считать, что одну из заявленных целей – ознакомить читателя с общим замыслом АЭ, авторы выполнили, и теперь настала очередь, также по возможности кратко остановиться на основных результатах АЭ.

Если идти по-порядку, то первое на что следует обратить внимание это на результаты статистико-экономического обследования крестьянского и казачьего хозяйства, которое охватило не только Амурскую область, но и Восточное Забайкалье. Общее руководство этими работами было возложено на заведующего статистической партией С.П. Швецова, который и был автором большинства, упомянутых выше "Введений" и "Пояснений".

Большая часть материалов, имеющих отношение к изучению крестьянских и казачьих хозяйств, приведена во втором выпуске ТАЭ. Первый том состоит из двух частей: в первой части выпуска содержится поселенные таблицы и итоги в разрезе волостей и станичных округов, во второй – комбинационные и групповые таблицы, а также бюджеты крестьянских и казачьих хозяйств¹.

Второй том выпуска представляет собой текстовую разработку статистического материала, приведенного в первом томе второго выпуска, и так же состоит из двух частей [26].

В первой части, состоящей из шести глав, содержится разработка статистических материалов, характеризующих общие условия ведения крестьянских и казачьих хозяйств. Во второй части дана текстовая разработка структуры и экономики крестьянских и казачьих хозяйств. Общее руководство работами и редактирование тома – С. П. Швецов.

Характерная особенность материалов содержащихся во втором томе второго выпуска, заключается в том, что авторы всех без исключения разделов, были профессиональны в тех вопросах, о которых они выносили суждения. Об этом свидетельствует, в частности, разветвленные сети цитирования. Хотя это были по месту службы чиновники, но в рамках работ АЭ это были исследователи.

Другая не менее характерная черта материалов, приведенных во втором томе, это сочетание количественных и качественных методов анализа хозяйств крестьян и казаков Амурской области. Благодаря этому, возникает возможность "стереоскопического" анализа: с одной стороны, количественная оценка отдельных составляющих крестьянского и казачьего хозяйства, с другой – появляется возможность выявления не-

---

¹ В Приложениях ко второй части приведены также: Программа обследования, поселенный бланк и подворовые карточки.

формализуемых аспектов экономических проблем¹.

И, наконец, особо следует обратить внимание на виртуозное владение авторами этого тома методами статистических группировок, благодаря чему им удалось обнаружить целый ряд интересных взаимозависимостей между отдельными сторонами хозяйства крестьян и казаков Амурской области.

Третий том второго выпуска "Частновладельческое хозяйство в Амурской области" [40], как это следует из названия, посвящен анализу состояния частновладельческих хозяйств Амурской области.

Возникает законный вопрос, что интересного и важного удалось обнаружить исследователям частновладельческих хозяйств Амурской области? По-нашему мнению, есть смысл обратить внимание на следующее.

Во-первых, в 1910 году "в Амурской области 45619,7 дес. земли состояли в частном владении 341 собственника" [40, с. 1]. На первый взгляд это вовсе не так уж и много. Но следует учитывать то обстоятельство, что в условиях многоземелья и преобладания стодесятинных наделов на двор, – это вовсе и не мало.

Во-вторых, "крестьяне и мещане, составляющие вместе 87.4% всех землевладельцев края, образуют, совершенно однородную среду, и различия звания в данном случае ничего не говорят ни о различии промыслов, ни о разнице в культуре и образовании. Предки почти всех этих лиц принадлежали к числу первых засельщиков края; много среди них было сектантов ... Все эти лица, как бы они не именовались по документам, принадлежат к единому типу, не к мещанскому или крестьянскому, по представлениям, обычным для России, а скорее к фермерскому, не совсем обычному у нас" [40, с. 22].

Крайне важный вывод: в пределах Амурской области сложился весьма специфический, практически неизвестный в коренной России, тип сельского хозяина – амурского фермера. Причем к числу таковых следует отнести не только частновладельческие хозяйства, но и многопосевные крестьянские хозяйства, т.е. хозяйства, сеющие по 80 и более десятин.

В пользу этого вывода свидетельствует и то, что "Сельскохозяйственный инвентарь амурских землевладельцев всех сословий состоит из орудий американского изделия, отчасти приспособленных заводчиками к местным условиям по указаниям самих крестьян и мещан-хлебопашцев, умевших правильно наметить те изменения в конструкции машин, какие требовались особенностями края и местных почв" [40, с. 35].

Но при этом и в частновладельческих, и в многопосевных хозяйствах амурских крестьян-старожил обеспеченность сельскохозяйственными машинами и инвентарем была совершенно необычна для Европейской России.

В-третьих, частновладельческие хозяйства были сходны с хозяйствами крестьян-старожил и в отношении введения новых культур. Однако следует обратить внимание на то, что "Из общего числа обследованных имений 26.6% занимаются посевом кормовых злаков, причем 70.9% из них занято посевами исключительно "китайских бобов" [40, с. 65].

В этом месте есть смысл отойти от последовательного рассмотрения: выпуск за выпуском, и сделать небольшую вставку в виде краткого обзора седьмого выпуска, посвященного животноводству в Амурской области. Это обусловлено тем, что в дальнейшем в ТАЭ нет материалов относящихся к статистико-экономическому обследованию сельской эко-

¹ Подробно методика экономико-статистических исследований была проанализирована в: [20].

номики области.

Итак, результаты работы зоотехнической партии АЭ были обобщены ее руководителем А.Я. Лампертом в первой части седьмого выпуска ТАЭ. Круг задач зоотехнической партии был определен следующим образом: "В задачи зоотехнической партии Амурской экспедиции входило:

1) изучение скотоводства в Амурской области в количественном и качественном отношении,

2) выяснение условий содержания и разведения домашних животных,

3) изучение по возможности, влияния климатических, почвенных, экономических и других условий на разведение домашнего скота,

4) выяснить, насколько возможно, развития скотоводства вдоль линии строящейся Амурской железной дороги,

5) выяснение ветеринарно-санитарных условий края, обеспечивающих теперь беспрепятственное разведение домашних животных или наоборот препятствующих этой работе,

6) выяснить обеспеченность края продуктами местного скотоводства и явлений импорта скота и продуктов его из пределов Монголии, Маньчжурии и Китая" [18, с. 1].

Предполагалось, что ответы на поставленные выше вопросы, будут получены в ходе массовых обследований, а также обработки таможенной и иной статистической информации, позволят сформировать систему мероприятий, которые бы позволили обеспечить развитие скотоводства в Амурской области и в первую очередь в районе строительства Амурской железной дороги.

Вторая часть седьмого выпуска, автором которой был К.И. Чукаев [38] старший специалист по животноводству Департамента Земледелия, в отличие от первой, более технологичной, уделяет много больше внимания экономической и организационной стороне дела.

Теперь вновь вернемся ко второму выпуску и кратко остановимся на пятом и седьмом томах [11, 36]. Пятый том посвящен результатам статистико-экономического обследования, той части Восточного Забайкалья, которая находилась непосредственно в полосе тяготения Амурской железной дороги.

Программа статистико-экономического обследования, была выполнено по той же программе, что и обследование казачьих и крестьянских хозяйств Амурской области. Если здесь стоит, на чем остановиться, так это на выборе единиц наблюдения, каковыми были выбраны поселения. Иначе говоря, исследователи при определении границ полосы тяготения использовали не волостные, а поселенные данные.

В седьмом томе второго выпуска [11] содержатся материалы обследования железнодорожных поселков от р. Зеи до Забайкалья, которое было выполнено уже в 1911 году, в ходе "личного осмотра всех возникших уже поселений" Л.Н. Гондатти и В.Ф. Романовым. Всего было обследовано 13 торгово-промысловых поселков при железнодорожных станциях; результаты этих обследований составляют первую часть тома, а вторую часть составляют материалы, имеющие непосредственное отношение к планировке нового города – Алексеевска (ныне г. Свободный)¹.

Программой обследования предусматривалось выяснение следующих вопросов: оценка местоположения поселков, включая оценку транспортной доступности; водоснабжение; оценка земельного надела и характер его использования, состояние жилищного фонда; численность населения и его распределение по национальному признаку и роду за-

¹ Фактически без изменений эта часть седьмого тома, была издана отдельной брошюрой: [2].

нятий; цены на продукты питания. И, как правило, но не во всех случаях, дается предельно краткая характеристика перспектив того или иного поселка.

Что же касается второй части тома, авторами которого были производитель работ Амурской землеотводной партии Чембаров и руководитель гидротехнической партии АЭ П. Стакле, то она содержит описание современного состояния местности в пределах, которой предполагается создание нового города, а также описание будущего города Алексеевска.

Описание деревни Суражевки настолько явно свидетельствует о влиянии железной дороги на экономику этого сельского поселения, что трудно не удержаться от того, чтобы не привести, хотя бы некоторые факты.

Итак, по сравнению с 1908 г. "площадь посева в деревне сократилась на 55%, упав в среднем на двор с 5.0 до 1.8 десятины. Разработка нови прекратилась, равно приостановилось и накопление живого и мертвого сельско-хозяйственного инвентаря. В то же время, в виду большого спроса на квартиры, количество жилых крестьянских построек возросло на 237%, приходясь ныне в среднем по 3.0 на двор. Усиленная застройка и сдача участков в аренду сократили площадь огородов вдвое, и только использование сенокосов поднялось на 41%, в виду выгодного сбыта сена на месте" [2, с. 2-3].

Не менее показателен и характер населения этой деревни на момент обследования, т.е. на 15.10. 1911 г.: "населения крестьянского 243 муж. и 231 жен., пришлого – 1 157 муж. и 737 жен. Всего населения 2 368 ... в том числе: японцев 34, китайцев 69, корейцев 15 .... А годовой оборот 124 торгово-промышленных предприятий составил 850 000" [2, с. 3].

Приведенные факты настолько красноречивы, что не требуют сколько-нибудь развернутого комментария. Поэтому ограничимся лишь указанием на то, что деревня Суражевка в 1911 году, это – что угодно, но только не сельское поселение. Железная дорога в предельно краткие сроки трансформировала экономику этого поселения, из сельской в торгово-промышленную. А сама Суражевка стала чрезвычайно привлекательна, причем не только для отечественных, но и иностранных предпринимателей.

Все вышесказанное стало побудительным мотивом для устройства города Алексеевска, территория которого, включала и надельные земли деревни Суражевки. Но здесь градостроители начала XX века столкнулись, как бы сказали сейчас, с отсутствием соответствующей нормативно-правовой базы. Ибо, ни в действовавших на тот момент Строительном, Врачебном и Промышленном уставах нет норм определяющих общие вопросы городской планировки. Поэтому предложения, выказанные П. Стакле и Чембаровым, по разработке, фактически генерального плана будущего города Алексеевска, можно рассматривать как пионерные, во всяком случае, для России.

Следующие три выпуска ТАЭ, авторы которых И.Ф. Крюков [17], В.Д. Рубинский [34] и С.П. Шликевич [42], каждый по-своему отвечают на один вопрос: каковы перспективы земледельческой колонизации в Приамурье?¹

¹ К этой группе исследований, очевидно, можно отнести и работу П. Стакле "Задачи сельскохозяйственной гидротехники в Амурской области" [37], в которой дано обоснование двух основных направлений по мелиорации сельскохозяйственных угодий в Амурской области: первое – исследовательское, предполагающее организацию за счет бюджетных средств изучения природных условий ведения сельского хозяйства (почв, климата, гидрологии). Второе – собственно гидротехническое, включающее ознакомление крестьян с "американскими машинами для проведения осушительных канав"; безвозмездное изыскание и проектирование мелиоративных проектов для крестьян; забла-

Но прежде, отметим, что работы И.Ф. Крюкова и В.И. Рубинского, это – работы, выполненные практически по единой программе, основное внимание уделяют оценке естественноисторических факторов, оказывающих определяющее влияние на величину колониционного фонда, а, следовательно, и на колониционную емкость Амурской и Приморской областей.

Работа С.П. Шликевича, в значительной мере опирается на обе вышеупомянутые работы, но она не просто суммирует выводы, к которым пришли Крюков и Рубинский, это – другой, преимущественно экономический аспект проблемы.

А теперь, оставив в стороне анализ цифрового материала, остановимся на рассмотрении тех направлений развития сельскохозяйственной колонизации, которые были намечены И.Ф. Крюковым для Амурской области.

Но первоначально рассмотрим исходный тезис, сформулированный им в следующей форме: "Для обеспечения успеха дальнейшей колонизации и культурного развития этой окраины России, требуется чрезвычайная и упорная государственная работа, по строго определенному плану. Необходимо неуклонное осуществление целой системы согласованных между собой мероприятий, сводящихся, с одной стороны, к установлению возможно тесной и прочной связи с краем и соседними областями, а с другой – к созданию вполне благоприятной обстановки для культурного и экономического саморазвития края" [17, с. 346].

Акцентируем внимание на два крайне важных положения: а) необходимым условием экономического развития Приамурья является "государственная работа по строго определенному плану" и 2) создание условий направленных на интеграцию дальневосточной экономики, как бы сказали сейчас в "единое экономическое пространство России", при одновременном запуске механизмов саморазвития экономики региона.

Еще один извечный вопрос дальневосточной экономики – привлечение в регион населения, но не населения вообще, а исходя из условий места и времени, тех групп населения, которые были бы успешно адаптированы в специфические условия области. Поэтому, вполне оправданным и до настоящего времени актуальным выглядит требование: "желательно и полезно предьявлять к переселенцам ряд некоторых рациональных требований, так как в таком случае материальное содействие переселению со стороны Правительства окупались бы некоторыми полезными качествами их" [17, с. 347].

При этом, рассматривая проблему освоения северных горнотажных районов Амурской области, И.Ф. Крюков приходит к выводу: "Обычный колониционный элемент здесь не годится, – колонистами должны быть люди, способные к энергичной и разнообразной деятельности" [17, с. 352].

В то же время, предьявляя требования к переселенцам и формируя систему гидротехнической и агрономической помощи населению, И.Ф. Крюков возлагает немалые надежды и на самоорганизацию сельского населения: "Попечение о местных нуждах сельского хозяйства должно быть предоставлено не только областным правительственным агрономическим организациям и учреждениям, но и самому сельскому населению, что, при отсутствии необходимого здесь земства, чрезвычайно трудно выполнимо. Нужны, по крайней мере, особые сельские установления, по функциям напоминающие сельскохозяйственные общества, но с расширенными полномочиями; не менее желательны ежегодные

современная мелиоративная подготовка переселенческих участков; регулирование рек, и, наконец, "создание особого штата гидротехников-инструкторов наподобие агрономов-инструкторов".

областные съезды сельских хозяев" [17, с. 369].

Теперь, опять-таки весьма кратко, остановимся на работе В.Д. Рубинского, которая в немалой степени продолжает работу, выполненную Статистическим отделом Переселенческого Управления Приморской области.

Сразу же отметим, что экономическая ситуация в Приморской области существенно отличалась от таковой в Амурской области, на что обращает внимание В.Д. Рубинский уже в самом начале своей работы: "в Приморской области мы должны иметь в виду двоякого рода колонизацию: земледельческую и промышленную, т.е. такую, которая является возможной только при развитии промышленной жизни края" [34, с. 2].

Что же касается ситуации с состоянием наличного колонизационного земельного фонда, то ситуация в Приморской области в своих основных чертах мало отличалась от таковой – в Амурской. К 1910 г. удобных земель осталось мало, вновь открываемые переселенческие участки будут открываться в районах "где земледелие, основанное на культуре хлебных злаков, по многим причинам не может идти успешно. Заселение таких мест в значительной степени зависит от развития промышленности, в связи с которой возможно развитие и сельского хозяйства" [34, с. 81].

Так же как и в Амурской области, вовлечение в сельскохозяйственный оборот новых земельных площадей, предполагает масштабные мелиоративные работы "непосильных населению и возможно только, если это дело возьмет на себя государство" [34, с. 82].

Рост спроса на землю резко обострил земельные отношения в приморской деревне и выдвинул проблему землеустройства, что, по мнению и крестьян, и местной администрации было выходом из сложившегося "хаотического положения".

Формирование рынка земель сельскохозяйственного назначения, что в свою очередь невозможно без проведения землеустроительных работ, виделось В.Д. Рубинскому выходом из сложившейся ситуации. Но, при этом он полагал, что "необходимо дать переселенцам средства приобретать землю, но не в виде ссуд, а в виде устройства специального долгосрочного кредита под приобретаемые земли. Открытие на Дальнем Востоке отделения крестьянского поземельного банка специально для содействия покупкам земель у многоземельных крестьян сразу поставит дело продажи и покупки на надлежащий путь и даст ему возможность широкого развития" [34, с. 86].

И как общий вывод: "Проектируемый нами способ упорядочения землепользования и кредитных операций вызовет приток в край капитала за проданные и заложенные земли, а это для нашего молодого края с крупными естественными богатствами чрезвычайно важно. Край нуждается в капиталах как для расширения и улучшения сельского хозяйства, так и для развития промышленности" [34, с. 87].

Переходя к работе С.П. Шликевича, еще раз акцентируем внимание, что она шире и по охвату и по погружению в проблему колонизации Русского Дальнего Востока. Поэтому не случайно, что С.П. Шликевич, пожалуй, единственный из участников АЭ, который ставит проблему границ региона. Удивительно (а, может, и нет), но границы Дальнего Востока у него фактически совпадают с границами региона в сетке экономических районов (областей) Госплана.

Дальнейший ход его рассуждений достаточно прост и укладывается в целом, в сложившееся к тому времени в отечественной науке, представление о том, что определяющей формой колонизационных процессов была колонизация сельскохозяйственная. И далее: "мы сумели плотно заселить русскими людьми только те покоренные страны, где оказались

благоприятными условия для земледелия и где мы не встретились с другой высшей культурой. Ни сухопутная и морская, ни промышленность не сделались нашими стихиями, нашим оружием в борьбе за существование; достаточно вспомнить, что русская торговля и русская обрабатывающая промышленность сосредоточены исключительно в центре, на окраинах же ими обычно владеют те народности, которые населяют эти окраины" [42, с. 3-4].

Не стала исключением, по мнению С.П. Шликевича, в общем колониционном процессе и колонизация Дальнего Востока. Более того, "выдвигая на первый план привычное средство и на Дальнем Востоке, мы еще никогда не задавались вопросом о возможных итогах нашей деятельности в этом направлении: с одной стороны, правительство до сих пор и не имело возможности задаваться таким вопросом, так как наш Дальний Восток не был изучен и представлял величину неизвестную, с другой стороны – в правильности и целесообразности колониционных приемов как будто не возникало сомнений" [42, с. 4].

Когда же сомнения возникли, то надо полагать началось и систематическое изучение Дальнего Востока, в том числе и в рамках АЭ. О результатах этого изучения – ниже, а сейчас, есть необходимость зафиксировать одно крайне важное положение, сформулированное С.П. Шликевичем: "Другие, более детальные черты характеристики Приамурья мы будем указывать по мере надобности, но эту общую картину арены колонизации, – ее удаленности и протяжения по границе соседних государств, необходимо помнить всегда" [42, с. 7].

И надо отдать должное автору этих слов, на протяжении всей работы он действительно помнит об этих двух специфических чертах Дальнего Востока, как, впрочем, не забывал он и о "детальных чертах характеристики Приамурья".

Поэтому не случайно, что в тексте мы находим следующее: "Как общая мера, необходимая для спокойного течения колонизации, крайне желательно и важно установление прочных мирных и дружественных отношений с Китаем" [42, с. 127].

А также и "Громадное пространство, отделяющее Приамурье от России, преодолевается гораздо легче капиталом, чем носителями земледельческого труда; за представителями капитала, в общем следует признать больше знаний, большую культурность, и, конечно, гораздо большую приспособляемость к местным условиям, чем за нашим крестьянством; капитал подвижнее и космополитичнее" – и далее – "нельзя не признать, что в такой колонии, отдаленной и богатой, право первенства принадлежит капиталистической промышленности, а не земледельческому труду" [42, с. 125].

Означает ли сказанное, что колониционное значение земледелия, а шире, сельского хозяйства, это то, чем в перспективе можно пренебречь? Оказывается, одно другому не мешает.

Но при организации земледельческой колонизации следует учитывать, что если вложения "на подготовку земельного фонда и на создание общих благоприятных условий вселения в край – обязательна и неизбежна; что касается второй части, т.е. собственно ссуды, хотя бы и не деньгами, а натурой, то относительно ее возникают тяжелые сомнения" [42, с.106].

Ибо, "помощь, оказываемая переселенцам в большом размере, часто достигает противоположных результатов; зарегистрирована масса случаев ухода переселенцев на родину тотчас по получении ссуд в сто, двести и более рублей" [39, с. 107]. И в этом вопросе мнение С.П. Шликевича полностью совпадает с результатами более ранних исследований А.А. Кауфмана [15].

Что касается Заключения, то оно предельно кратко и определено: "Земледелие в Приамурье дает прекрасные результаты для земледельцев, но слишком ничтожные для государства; с помощью земледелия мы не овладеем Приамурьем, так как всей совокупностью естественно-исторических и экономических условий земледелию здесь отведена, по-видимому, подчиненная роль в будущем, по сравнению с капиталистической промышленностью; государственные интересы обязывают правительственную власть обратить главное внимание на развитие промышленности в нашей колонии, осуществляя в то же время всю совокупность мероприятий, способных увеличить численность и плотность земледельческого населения в Приамурье" [42, с. 130].

Добавить к этому что-либо трудно, пожалуй, только то, что сейчас земледелие в Приамурье не дает прекрасных результатов, но это уже никак не связано ни с природными условиями, ни с системой государственного регулирования сельского хозяйства на дальневосточной окраине России в дореволюционный период ее истории.

Что же касается недвусмысленных указаний на то, что будущее Приамурья связано с развитием капиталистической промышленности, то здесь С.П. Шликевич был не одинок. Это, скорее всего, было общее мнение специалистов. Другое дело, что многими исследователями упускается из виду, что индустриальное развитие экономики Дальнего Востока, как, впрочем, и России, в целом, подавляющим большинством отечественных экономистов виделось, как развитие сбалансированное.

Важно другое, впервые было сформулировано для крупного региона представление о том, что развитие его экономики должно быть сбалансировано в разрезе двух основных секторов: индустриального и аграрного.

Коль дело дошло до промышленности и ее перспективах, то самое время перейти к рассмотрению выпуска VIII ТАЭ [28]. Автор этого выпуска А.Н. Митинский основное внимание уделил двум основным проблемам: а) регулированию рынка продовольствия и б) развитию промышленности, в первую очередь горнодобывающей.

Характерно, что обе эти проблемы развития дальневосточной экономики были и рискнем предположить, все еще остаются, тесно связаны с экономикой сопредельных районов Китая.

Анализ состояния дел в означенных выше секторах экономики А.Н. Митинский начинает с состояния торговых путей, констатируя, что "Главным, основным (и почти единственным) путем торговых сношений Приамурья является система реки Амура" [28, с. 1].

В то же время "В виду отсутствия и плохого состояния колесных дорог, переселенцы отрезаны от местной жизни и в промышленном развитии страны играют крайне малую роль. Ни от них с сырым материалом и предложением рабочих рук, ни к ним с товаром хорошей дороги нет" [28, с. 18].

Констатируя, что "Ни одного тракта к приисковым районам казной пока не устроено" [28, с. 27], А.Н. Митинский выказывает большие сомнения в том, что введение земства окажет пользу для дорожного дела. И тут, явно на стороне А.А. Кауфмана в споре с представителями общеземской организации¹.

Далее следует уже нечто совсем неожиданное: "Проведение Амурско-магистрального железнодорожного пути мало поможет делу непосредственно" [28, с. 28]. Действительно, как показывает опыт БАМа, мало помогает. Выход из этого опять-таки достаточно прост: "Главная задача улучшения промышленных путей края, это улучшение и проведение колесных дорог" [28, с. 29].

¹ Подробно эта дискуссия рассмотрена в: [3].

Итак, вывод очевиден: индустриальное развитие региона требует не только создание магистральных видов транспорта, но транспортной системы, в которой основное внимание должно быть уделено развитию грунтовых дорог и шоссе.

Завершив анализ состояния торговых путей, А.Н. Митинский переходит к рассмотрению хлебной торговли и мукомольного производства в Амурской области и в Маньчжурии, ибо "Приамурье ... экономически связано в хлебном деле с Маньчжурией" [28, с. 37].

Что же выясняется в ходе этого анализа? Во-первых, "По оборудованности мельницами Благовещенск уступает в России только Н.-Новгороду и Саратову – он может перемолоть 16 млн. пуд. Вообще край характеризуется преобладанием парового размола: водяной и ветряной ничтожны – 3,5 %, а в России наоборот паровой помол составляет всего 14-18%" [28, с. 40].

Иначе говоря, не только крестьяне Амурской и Приморской областей обладали первоклассным по тому времени сельскохозяйственным инвентарем и машинами, но и тесно связанная с сельской экономикой мукомольная промышленность отличалась высоким уровнем технического оснащения своих предприятий.

И перерабатывали эти мукомольные предприятия не только свое зерно, но и зерно идущее из Маньчжурии.

Что же касается регулирования хлебного рынка, то оно имеет, по мнению А.Н. Митинского, двоякое значение: "Огромные, сравнительно области, заготовки на потребность войск имеют двоякое значение. С одной стороны они являются крупной подмогой земледельцу, ибо сопровождаются выдачей авансов, поддерживают высокие цены на хлеб, обеспечивают сбыт его и т.д. С другой стороны, интендантство, снимая с рынка местный хлеб, открывает дорогу хлебу маньчжурскому" [28, с. 46-47].

В результате возникла ситуация, которую сейчас бы обозначили как "угроза продовольственной безопасности региона". Выход виделся А.Н. Митинскому не в подъеме таможенных тарифов на маньчжурское зерно¹, как то предлагали многие представители администрации и представители деловых кругов, а в "переселении возможно большего количества переселенцев, или облегчении поступления на Амур сибирского хлеба, которые одни способны, хотя несколько, начать освобождать Приамурье от экономической зависимости от Харбина" [28, с. 57].

Более того, по мнению А.Н. Митинского, рост тарифов: "мера несвоевременна в виду притока переселенцев, являющихся первые три-четыре года потребителями, а не производителями хлеба, а главное в виду массового потребления хлеба для постройки Амурской ж.д." [28, с. 93].

Что же касается второй проблемы: индустриального развития Дальнего Востока, то здесь наибольший интерес представляет не описания тех или иных отраслей промышленности и торговли, и даже не предложения А.Н. Митинского, а постановка им ряда вопросов, имеющих немалое значение и в настоящее время.

Вопрос первый: "что лучше – допустить экономическое хищническое завоевание Приамурья желтым трудом, или создать в нем ряд капиталистических предприятий на русском и иностранном капитале" [28, с. 190]. Отметим, что эти предприятия, по мнению, автора, должны были стать центрами культуры в необжитых районах Амурской и Приморской областей. А это возможно только в том случае, если благодаря использованию машинных технологий они будут формировать спрос не на дешевую (китайскую по преимуществу) рабочую силу, а на квалифицированный труд.

¹ Сходного мнения в отношении таможенного регулирования придерживался и С.П. Шликевич, в уже упоминавшейся работе [42].

Вопрос второй, кто будет заниматься развитием индустрии в Приамурье? Ибо, "Приамурье по своим данным настолько своеобразно, развитие его должно пойти настолько необычным, сравнительно с остальной Россией, путем, что и подготовка людей к деятельности в нем должна быть своеобразной" [28, с. 191]. То есть, необходима подготовка кадров высшей квалификации на месте, причем не для всех отраслей, а для тех, в которых влияние местной специфики особенно велико, т.е. в горном деле и в сельском хозяйстве.

Наконец, третий вопрос: кто и как будет заниматься исследованием природно-ресурсного потенциала региона, каким образом результаты научных исследований (в частности геологических) будут находить применение в практической деятельности.

Все перечисленные вопросы более чем актуальны и сейчас, так и сейчас далеко от решения проблема привлечения инвестиций в экономику региона, до сих пор не решена проблема и подготовки квалифицированных кадров для экономики региона, и, наконец, кто сказал, что нет проблемы коммерциализации результатов научных исследований, выполненных дальневосточными учеными?

Следующий IX выпуск ТАЭ [12], автором которого был В.А. Закревский посвящен земскому или как бы сказали сейчас местному хозяйству в Приморской и Амурской областях.

Структура этой работы двух частная: часть первая "Раскладка и сметы земских повинностей с 1887 по 1911 г", часть вторая "Отрасли земского хозяйства"; кроме того, есть в работе и Введение, и Заключение, а также обширные Приложения.

Первая часть интересна для современного читателя, по следующим причинам. Во-первых, она содержит тщательнейшим образом выполненный анализ того, каким образом происходила раскладка земских повинностей среди сельских жителей, который подводит В.А. Закревского к выводу, крайне неожиданному для подавляющего большинства современных исследователей: "Приамурский крестьянин живет несравненно лучше зажиточнее своего собрата в центральной России", и далее "на Дальнем Востоке крестьяне имеют такие доходы, какие не существуют в Европейской России" [12, с. 32]. А, следовательно, приамурский крестьянин в состоянии без ущерба для своего хозяйства нести большую, чем то имело место, величину земских повинностей.

Во-вторых, приведенные В.А. Закревским данные о земских доходах и расходах в Амурской и Приморской областях свидетельствуют о существенных различиях в структуре и доходов, и расходов в двух дальневосточных областях. Что, с одной стороны свидетельствует о том, что уже к 1910 году структура местной экономики существенно отличалась друг от друга на уровне областей, а с другой стороны, что механизмы регулирования экономики на локальном уровне требовали разных подходов.

Но все-таки, самое интересное в работе, это – не анализ местного хозяйства как такового, а как бы сказали сегодня предложения автора по формированию институциональной поддержки реформирования местного хозяйства.

Итак, в чем суть проблем и предложений по их разрешению.

Во-первых, создание специальных органов ответственных исключительно за развитие земского хозяйства.

Во-вторых, привлечение населения к общей с администрацией работе по устройству земского хозяйства. Это предполагало участие населения не только в раскладке земских сборов и распределению повинностей, но и к составлению земских смет и раскладок. Тем самым, по мнению В.А. Закревского можно возбудить интерес населения к земско-

му делу и обеспечить более равномерное и справедливое распределение земского сбора и земских повинностей.

В то же время В.А. Закревский отдавал себе отчет в том, что не стоит ждать пока сами жители, пришедшие с разных мест сплотятся и создадут общественную жизнь. "Нужно помочь ... населению сплотиться, создать общественное дело и слиться в общих для развития края интересах" [10, с. 333].

Что же касается выявления общих интересов, то оно, как это отмечалось неоднократно выше, осуществлялось и путем экономико-статистических исследований и посредством качественных исследований.

X выпуск [33] – не совсем обычен в ряду ТАЭ: во-первых, это единственный выпуск, посвященный конкретному экономическому району¹, а, во-вторых, исследование это может быть отнесено к одному из первых, в рамках которого широко использовались качественные методы социологического исследования (хотя, конечно, сам В.Ф. Романов вряд ли об этом подозревал).

Целью экспедиционного исследования Николаевского района было "собрать материалы об условиях колонизации этого района и, в частности, о современном положении и нуждах местной рыбопромышленности" [33, с. 1].

Охватить в кратком обзоре все вопросы, которые были исследованы с разной степенью детальности, не представляется возможным, поэтому основное внимание уделим "Своду мероприятий по колонизации Николаевского района Приморской области".

С известной долей условности этот Свод можно рассматривать, как вполне логически выстроенную концепцию развития экономики региона, скажем мезоуровня.

Первый раздел, посвященный переселенческому делу, пронизывает одна простая мысль: необходимо снять все ограничения для переселения в этот район, т.е. ввести правила вольного заселения, без предварительного образования переселенческих участков – это, во-первых, а, во-вторых, разрешить крестьянам-промысловикам пользоваться наемной рабочей силой.

Но основное внимание в Своде, как и в работе в целом, уделено рыбопромышленности. Исходная теза, сформулированная В.Ф. Романовым такова: "Правительственная политика в отношении рыбных промыслов должна иметь в основе своей два главнейших положения: 1) будущее принадлежит не речным, а морским промыслам (включая устье и лиман Амура) и 2) русской промышленности надо помочь освободиться от монопольной зависимости от японского рынка, не теряя его, а, наоборот, укрепляясь на нем [33, с. 171].

На что следует обратить внимание особо так это на то, что помощь русской рыбопромышленности предполагалась не путем "стеснительных мер в отношении скупки русской рыбы японцами ... но посредством облегчения русским промышленникам экспорта рыбных продуктов на другие, кроме японского, рынки" [33, с. 172].

Что касается других отраслей: лесного и горного дела, то предложения, внесенные в Свод, направлены, с одной стороны, на организацию исследования и оценки соответствующих ресурсов, а с другой, на созда-

---

¹ Впрочем, если быть до конца точным, то географические границы исследования все-таки выходили за пределы Николаевского района. В той или иной мере касались рыбопромышленности Дальнего Востока. Хотя с другой стороны, рассматривая положение дел в Николаевском районе, В.Ф. Романов не ограничивался только рыбопромышленностью, в круг его интересов вошли и другие отрасли, в частности, золотодобывающая промышленность.

ние общих условий, которые мы бы сейчас назвали инфраструктурным обеспечением территории.

Впрочем, не менее актуальными были и есть вопросы кросс-культурных взаимодействий на Дальнем Востоке. Эти вопросы в той или иной мере были рассмотрены в целом ряде выпусков ТАЭ.

Но был и особый XI выпуск ТАЭ. Речь идет о работе В.В. Граве "Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье". Сразу же отметим, что работа эта хорошо известна исследователям; редкая работа по истории Дальнего Востока начала XX века обходится без ссылок на нее. Более того, в этом же номере "Ойкумены" эта работа анализируется в статье Е.Л. Ли [19], поэтому авторы позволили себе ограничиться лишь одним сюжетом: Вредна ли или полезна, с государственной точки зрения, китайская торговля и промышленность в Приамурье. И, задавшись таким вопросом, В.В. Граве считает, что для ответа на него необходимо рассмотреть каждый вид китайской торговли сообразно со степенью влияния ее на местное население.

В.В. Граве полагал, что "мероприятия Правительства будут иметь осязательный результат лишь тогда, когда они будут направлены против тех особенностей и принципов китайской торговли ... но такие мероприятия не могут быть введены моментально, а должны, несомненно, распределяться на несколько лет, последовательно проводясь в жизнь" [9, с. 43].

Теперь о том, что это за мероприятия: "При настоящих местных условиях на частную инициативу рассчитывать трудно и правительство должно прийти в этой области на помощь населению следующим путем:

- 1) учреждением установления мелкого кредита,
- 2) организацией сети переселенческих лавок типа мелочной торговли, в особенности в местах, вновь открытых для переселения, которые бы имели право отпускать в кредит новоселам товар на то время, пока они недостаточно окрепли после трудного путешествия. ...
- 3) широкое покровительство открытию кредитования общественных и потребительских лавок в селах и наконец,
- 4) открытию казенных складов в стойбищах инородцев, с принятием в оплату товаров пушнины по установленной таксе" [9, с. 43].

Говоря, языком современных экономистов, то, что предлагал В.В. Граве ничто иное, как система мер по содействию малого и среднего бизнеса в регионе, причем это действительно система мер, а не набор случайных мероприятий, чем нередко грешат современные составители региональных программ.

Что касается Приложения к XI выпуску ТАЭ, т.е. работы В.Д. Песоцкого "Корейский вопрос в Приамурье" [31], то этот текст насыщенный фактическим материалом, полученным автором в ходе экспедиционных исследований, в настоящее время в силу известных причин потерял свою актуальность. К тому же его содержание достаточно подробно освещено в уже упоминавшейся статье Е.Л. Ли [19].

Тринадцатый выпуск [43], самый малый по объему: всего 16 страниц основного текста плюс три приложения¹, которые уместились на трех десятках страниц. Тем не менее, несмотря на малый размер, работа С.П. Шликевича крайне интересна: это первая работа, в которой не только разводятся понятия "охота" и "охотничий промысел", "бытовая" и "экономическая" составляющие охотничьего промысла, но и дана эко-

¹ Приложение I. Докладная записка для выяснения нужд пушного промысла и мер по улучшению его положения фирмы А.И. Громова в Иркутске. Приложение II. Сведения, данные фирмой Г. Шафигуллина в Иркутске. Приложение III. Записка В.И. Рубинского "Соболиный промысел на Дальнем Востоке".

номическая оценка состояния охотничьего промысла в Амурской и Приморской областях.

Задача, которую себе поставил С.П. Шликевич: "осветить цифрами вопрос о количестве добываемого охотой и промыслом зверя, о стоимости главного промыслового объекта – белки и соболя, о рынках для них, о принятых в торговле приемах, о нуждах промысла и торговли" [43, с. 3].

Однако решить эту задачу оказалось не просто, по очень простой причине: "В этой сфере царит полная неопределенность, полное отсутствие точных цифр, проистекающее, частью, из самого характера пушной торговли, частью – создаваемо умышленно, в интересах коммерческой тайны" [43, с. 3].

Отмечая, что приемы скупки пушнины от промышленников разнообразны, С.П. Шликевич, тем не менее, разделяет Амурскую и Приморскую области на районы, т.е. фактически выполнил специальное экономическое районирование.

Итак, таких районов, выделяемых по способу скупки пушнины выделяет четыре: 1) район скупки китайцами-земледельцами и лавочниками – хребет Сихота-Алинь и побережье моря южнее Императорской гавани; 2) район скупки лавочниками китацами и русскими – низовье Амура; 3) район скупки путем выдачи денежных задатков более или менее крупными фирмами – части Амурского бассейна, тяготеющие к Хабаровску; 4) районы скупки на ярмарках – самая северная часть Амурской и Приморской областей" [43, с. 7].

Здесь следует обратить внимание на два крайне важных факта: по большей части промысловики пушнины – аборигенное населения Приамурья, а подавляющая часть скупщиков пушнины – китайцы. Поэтому, вывод о господстве китайцев на местных рынках пушнины, как и о том, что бороться с ними едва ли возможно, имеет под собой все основания. Но, тут можно вспомнить и предложения В.В. Граве о методах регулирования китайской торговли в Приамурье.

Наиболее крупными рынками пушнины на Дальнем Востоке являются Хабаровск, Владивосток, Никольск-Уссурийский и Благовещенск, а в Маньчжурии – Мукден и Тяньцзинь.

Однако, о масштабах пушной торговли, какова численность промышленников и какова величина их заработков, судить по данным, приводимым С.П. Шликевичем, не представляется возможным. Но следует согласиться с ним, что "как бы не была велика или мала сумма денег, выручаемых инородцем промышленником – она не является решающим фактором в его существовании, и губят инородцев не денежные притеснения тех или иных любителей наживы, но спирт и болезни" [43, с. 12].

Но есть еще одно обстоятельство самым существенным образом влияющим на состояния охотничьего промысла – уменьшение, причем необычайно быстрое, количества пушного зверя и прежде всего соболя.

Впрочем, тому есть и экономические причины. Так, если по данным Маргаритова (1888) за сезон охотник добывал до 70 соболей, цена на которого составляла 3 рубля, то на момент обследования наиболее удачливые охотники добывали по 7 соболей, но цена в среднем составляла не менее 30-40 рублей [43, с. 13].

Эффективным средством борьбы с резким уменьшением численности промыслового зверя, по мнению, торговцев пушнины, которое, вполне разделяет и С.П. Шликевич, было бы принятие закона об охране соболя, как наиболее ценного объекта охотничьего промысла. Правда, он идет дальше и полагает, что не только следует на определенный срок запретить промысел соболя, но и пушную торговлю. А, решение проблемы обеспечения аборигенного населения предметами первой необходи-

мости на время запрещения промысла, можно было бы решить путем предоставления им "кредита натурой на запретный в отношении охоты год" [43, с. 14].

Таким образом, работа С.П. Шликевича, как, впрочем, и ряд других¹, выполненных в рамках АЭ, представляет собой исследование того круга проблем, которые в настоящее время обозначают как проблемы рационального природопользования. Более того, и работа С.П. Шликевича, и других сотрудников АЭ шли дальше выявления тех или иных фактов и определения возможных состояний отдельных видов природно-ресурсного потенциала в обозримом будущем, они – выходили на уровень предложений законодательных и административных.

Своеобразным продолжением темы "рациональное природопользование", если использовать современную терминологию, являются материалы последующих выпусков ТАЭ.

Так, в XIV выпуске приведены материалы метеорологических станций по изучению климата, почв и растительности в Амурской области в 1909-1910 г.г. [23]. Здесь необходимы уточнения, так в частности "метеорологические станции", о которых идет речь в ТАЭ – это действительно метеорологические станции, но не только. На самом деле на этих станциях помимо метеорологических наблюдений, осуществлялся комплекс исследований и почв, и растительности, наконец, при станциях создавались опытные поля.

И еще одно пояснение: первая из пяти метеорологических станций – Бомнакская, была организована в 1909 г. в ходе проведения рекогносцировочных работ почвенно-ботанической экспедиции Переселенческого Управления в верховьях р. Зеи. В 1910 году уже в рамках АЭ по специальной программе, разработанной Н.И. Прохоровым (о ней в следующем комментарии), но опять-таки на средства Переселенческого Управления были организованы станции: Пиканская, Тарбогатаянская, Улангинская и Тыган-Урканская.

Естественно, что каких-либо значимых практических, а тем более, научных результатов менее чем за год наблюдений получить невозможно, но такой цели и не ставилось². Цель имела долгосрочный характер и была сформулирована И.А. Бальц и Н.И. Прохоровым следующим образом: "Нашей попыткой организации подобного характера исследований **на стационарных пунктах девственных районов** мы стремились посылно, конечно, подчеркнуть также всю плодотворность и необходимость идти натуралисту в природу с принципами меры, числа и веса, а в особенности еще тогда, когда природа живет полнотой законов ее стройных явлений. От широких научных исследований через этап опытно-акклиматизационных участков пройдет в будущем и культура с ее агрономическим искусством" [4, с. 86]. Наверное, это тот случай, когда нужды в комментариях нет. Если, что и добавить, так только то, что в настоящее время сети стационаров, которые бы проводили исследования по общей программе просто нет, а потребность в такого рода исследованиях есть.

Нет большой нужды комментировать и результаты ботанических исследований, выполненных под руководством В.Н. Сукачева, которые были сведены в три тома XVI выпуска ТАЭ [5], оставим это историкам

¹ См., например: в уже упоминавшейся работе В.Ф. Романова рассмотрены проблемы охраны и воспроизводства рыбных ресурсов Нижнего Амура и Амурского лимана, а в текстовой разработке результатов экономико-статистического обследования крестьянских и казачьих хозяйств Амурской области, дана оценка состояния лесных и почвенных ресурсов, в районах сельскохозяйственной колонизации.

² Впрочем, сказать, что совсем эта работа не дала никаких результатов, было бы тоже не верно. Так, в частности, наблюдения, выполненные М.Д. Мишиным на Зейско-Амурском водоразделе показали, что в сельскохозяйственном отношении этот район существенно отличается в худшую сторону и от долины Амура и от долины Зеи [29].

отечественной геоботаники. Ограничимся лишь кратким комментарием лишь той части этих исследований, которые имеют непосредственное отношение к оценке колонизационных возможностей районов ботанических исследований.

Изложению этого вопроса, в третьем томе XVI выпуска, в котором приведены результаты экспедиционных исследований Тунгиро-Амазарской партии, отведено всего пять страниц из общего объема в 276 страниц. Вывод, к которому пришел В.Н. Сукачев: "приходится признать, что в настоящее время быть использованной для с. х. культуры она [долина р. Тунгира и его притоков] вряд ли может" [38, с. 276]. Отметим, что к такому заключению В.Н. Сукачев приходит после выполнения тщательного анализа растительных формаций, почвенных разностей, особенностей рельефа; вне его внимания не остались участки в несколько десятин, которые можно было бы использовать тем или иным образом в сельском хозяйстве. К тому же им были обследованы перевалы через Яблоновый хребет, т.е. возможные транспортные коммуникации.

И, тем, не менее, весьма красноречивый заключительный фрагмент работы: "Однако, чтобы сделать окончательное заключение о невозможности с.-х. культуры в изученном крае, конечно, не достаточно экспедиционного исследования одного лета. Тот путь, на который стал Н.И. Прохоров в Амурской области, именно, метод стационарного изучения края является наиболее рациональным и от него можно ждать весьма ценных результатов" [38, с. 276].

Наконец, мы дошли до рассмотрения Отчетов АЭ за 1911 год [26]. В первой части выпуска содержались результаты исследований С. Малавкина и С. Константинова, основной задачей которым было поставлено: "возможно полное и подробное ознакомление с условиями залегания здесь [т.е. в Буреинско-Завитинском буроугольном районе] угленосных отложений" [22, с. 1].

Предварительные результаты этого ознакомления привели к следующим выводам:

1) Кивдинское месторождение угля, обследованное в 1911 г., безусловно, представляет интерес в практическом отношении.

2) Качество угля ставит его, безусловно, вне конкуренции с древесным топливом, которое к тому же вряд ли всегда может быть доставлено в надлежащем количестве, тогда как при близости месторождений к линии железной дороги доставка угля может быть организована сравнительно просто.

3) Указывая на практическую ценность месторождения, необходимо в то же время подчеркнуть и то обстоятельство, что разработка его может оказаться весьма и весьма затруднительной, требующих больших и длительных подготовительных работ.

4) Второстепенной, но также важной задачей ознакомления с Кивдинско-Буреинским районом является изучение условий залегания и свойств артезианских водоносных горизонтов ... так как на эксплуатации их придется, быть может, базироваться при устройстве водоснабжения многих ж.д [16].

Из содержащихся во второй части XVII выпуска трех работ, две имеют самое непосредственное отношение к целям АЭ. Так, В. Зверев на основании изысканий в северо-западной части Амуро-Зейского водораздела, т.е. на участке Амурской ж.д. непосредственно примыкающей к Забайкалью, указывает на обеспеченность строительства минеральными строительными материалами и одновременно отмечает, что возможны трудности с водообеспечением в зимний период [14].

Тогда, как Я.А. Макерев, заканчивая отчет, специально остановился на рассмотрении вопроса о проведении грунтовых дорог из бассейна

Черного и Белого Урюма и Амазара в бассейн Олекмы [21].

Итак, обзор ТАЭ завершен и настало время подводить итоги.

Во-первых, необходимо еще раз подчеркнуть, что цель АЭ в ходе работ подверглась трансформации. Первоначально она была проста и сводилась, в конечном счете, к составлению предложений о "дальнейших мерах к наилучшей постановке колонизационного дела в районе Амурской железной дороги и развитию промышленной экономической жизни в названной местности" [8, с. 1]. В конечном итоге сотрудники АЭ видели конечную цель в разработке колонизационного плана, причем не только для района Амурской ж.д., но и для всего Дальнего Востока России.

План этот так и не был составлен, но был разработан своего рода алгоритм проведения предплановых исследований. И судя по всему этот алгоритм все еще не безынтересен при разработке общедальневосточных экономических стратегий.

Во-вторых, если сравнивать разработку и реализацию двух инфраструктурных мегапроектов осуществленных в Азиатской России на рубеже XIX-XX веков: Транссиба и Амурской ж.д., то обращает на себя внимание не только сходство в их организации, но и существенные различия. Что касается общих черт, то они очевидны и нет необходимости на них останавливаться, что же касается специфики дальневосточного проекта, то на них следует хотя бы кратко остановиться. Главное отличие заключается в том, что реализация скажем так: "Амурского проекта", не имела такого мощного института, каковым был Комитет Сибирской железной дороги. Возможности Комитета по заселению Дальнего Востока были много скромнее, к тому же он не имел рабочих органов.

В-третьих, реализация идеи трансформации временного исследовательского проекта – АЭ, в постоянно действующий и имеющий целью "планомерное изучение края" не удалась. Судя по всему, тогда еще не пришло время. Но сама идея создания комплексных научно-исследовательских структур в регионах подобных Дальнему Востоку, хотя и в несколько измененном виде была реализована. Хотя извечная проблема "внедрения достижений НТП в производство" трансформировавшись в проблему коммерциализации результатов фундаментальных исследований осталась. И в этой связи опыт организации комплексных региональных исследований, имеющих изначально практическую направленность, представляется, как минимум, требующим пристального изучения.

Наконец, следует помнить, что без изучения исторического опыта, крайне сложно выстраивать дееспособные региональные стратегии, не случайно в тех странах, с которых мы часто берем пример, исследование прошлых состояний экономики и экономическим институтам является обязательным инструментом стратегического анализа.

Здесь следует остановиться: ибо, нельзя объять необъятного, а Труды АЭ таковыми являются.

Литература

1. Алексеев В.В. и др. Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике. XVI-XX века. М.: Наука, 2004. 600 с.
2. г. Алексеевск Амурской области. Амурская Экспедиции. 1910 г.

Благовещенск: 1912. 28 с.

3. Антология экономической мысли на Дальнем Востоке. Вып.1. Колонизационные процессы в Приамурском крае на рубеже XIX-XX веков. Хабаровск: РИОТИП, 2008. 208 с.

4. Балыц В.А., Прохоров Н.И. Материалы и наблюдения Бомнакской метеорологической станцией за лето 1909 года / Материалы метеорологических станций по изучению климата, почв и растительности 1909-1910 гг. Под редакцией Н.И. Прохорова. ТАЭ, Вып. XIV. СПб.: 1913. с.23-128.

5. Ботанические исследования 1910 года / Под ред. В.Н. Сукачева. Т. I-III. СПб.: 1912.

6. Витте С.Ю. Собрание сочинений и документальных материалов: В 5 т. Т. 1. Пути сообщения и экономическое развитие России. Кн. 2, ч.1. 2004.

7. Гондатти Н. Предисловие / ТАЭ.

8. Гондатти Н., Романов В. Общий отчет Амурской Экспедиции за 1910 год. ТАЭ. Вып. I. СПб.: 1911.

9. Граве В.В. Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье. ТЭА. Вып. XI, СПб.: 1911. 489 с.

10. Дубинина Н.Л. Приамурский генерал-губернатор Н.Л. Гондатти. Хабаровск: 1997. 208 с.

11. Железнодорожные поселки Амурской области (от р. Зеи до Забайкалья). Хабаровск: 1912. 164 с.

12. Закревский В.А. Земское хозяйство в связи с общественным и административным устройством и управлением в Амурской и Приморской областях / ТАЭ. Вып. IX. СПб.: 1911.

13. Закревский В.А. Условия внутринадельного размежевания и землеустройства в селениях Амурской и Приморской областей. ТАЭ. Приложение к Выпуску V. Спб.: 1911.

14. Зверев В. Геологические исследования в северо-западной части Амурско-Зейского водораздела / Отчеты за 1911 год. Вып. XVII. Ч.2. Отчеты геологических партий. СПб.: 1912. с. 1-32.

15. Кауфман А.А. Переселение и колонизация. СПб.: 1905. – 349+Приложения

16. Константинов С. Отчет о разведке месторождения бурого угля в Буреинском районе Амурской области / Отчеты за 1911 год. Вып. XVII. Ч.1 Отчеты геологических партий. СПб.: 1912. с. 47-82.

17. Крюков И.Ф. Земли района Амурской железной дороги (Амурская область, Восточное Забайкалье и южная часть Якутской области). ТАЭ. Вып. III. СПб.: 1911. 371 с.

18. Лемперт А.Я. Материалы по животноводству в Амурской области. Отчет зоотехнической партии экспедиции. ТАЭ. Вып. VII. Ч. 1. Тобольск: 1913. 154 с.

19. Ли Е.Л. "Желтая угроза" или "желтый вопрос" в трудах Амурской Экспедиции 1910 г. // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2010. № 3.

20. Ли Е.Л., Демьяненко А.Н. Амурская экспедиция 1910 года: опыт организации статистико-экономического обследования казачьего и крестьянского хозяйства Амурской области // Пространственная экономика. 2010. № 2. С. 125-133.

21. Макеров Я.А. Геологические исследования в бассейнах рек Амазара, Белого и Черного Урюма и в верховьях Олекмы, Тунгиры и Нюкжи / Отчеты за 1911 год. Вып. XVII. Ч.2. Отчеты геологических партий. СПб.: 1912. с. 33-100.

22. Малявкин С. Буреинско-Завитинский буроугольный район / Отчеты за 1911 год. Вып. XVII. Ч.1 Отчеты геологических партий. СПб.: 1912. с. 1-44.

23. Материалы метеорологических станций по изучению климата, почв и растительности 1909-1910 гг. Под редакцией Н.И. Прохорова. ТАЭ, Вып. XIV. СПб.: 1913.

24. Материалы статистико-экономического обследования казачьего и крестьянского хозяйства Амурской области. ТАЭ. Вып. II. Т. I. Ч. 1-я. Поселенные таблицы. СПб.: 1911.

25. Материалы статистико-экономического обследования казачьего и крестьянского хозяйства Амурской области. ТАЭ. Вып. II. Т. I. Ч. 2-я. Комбинационные и групповые таблицы. Бюджеты. СПб.: 1912. 573 с. + Приложения.
26. Материалы статистико-экономического обследования казачьего и крестьянского хозяйства Амурской области. ТАЭ. Вып. II. Т. II. ч. 1-я. СПб.: 1912; Материалы статистико-экономического обследования казачьего и крестьянского хозяйства Амурской области. ТАЭ. Вып. II. Т. II. ч. 2-я. Текстовая разработка. СПб.: 1913. 616 с.
27. Материалы статистико-экономического обследования части Восточного Забайкалья, тяготеющего к Амурской железной дороге / ТАЭ. Вып. II. Т. 4. СПб.: 1913.
28. Митинский А.Н. Материалы о положении и нуждах торговли и промышленности на Дальнем Востоке / ТАЭ. Вып. VIII. СПб.: 1911. 284 с.
29. Мишин М.Д. Материалы и наблюдения Улангинской метеорологической станции за лето 1910 года / Материалы метеорологических станций по изучению климата, почв и растительности 1909-1910 гг. Под редакцией Н.И. Прохорова. ТАЭ, Вып. XIV. СПб.: 1913. с. 447-506.
30. Отчеты за 1911 год. Вып. XVII. Ч.1 и Ч.2. Отчеты геологических партий. СПб.: 1912.
31. Песоцкий В.Д. Корейский вопрос в Приамурье. ТАЭ. Вып. XI. Приложение. СПб.: 1913. 188 с.
32. Романов В.Ф. Свод первоочередных мер на Дальнем Востоке / ТАЭ. Вып. I. Приложение 1. СПб.: 1911. 24 с.
33. Романов В.Ф. Нужды Николаевского района Приморской области / ТАЭ. Вып. X. СПб.: 1911. 179 с.
34. Рубинский В.Д. Опыт учета колонизационной емкости Приморской области. Вып. IV.: СПб.: 1911. 99 с.
35. Сибирь и транссибирский железный путь. СПб.: 1891.
36. Солдатов В. Железнодорожные поселки по Забайкальской линии. Статистическое описание и материалы по переписи 1910 года. С предисловием и под редакцией Д.М. Головачева / ТАЭ. Вып. II. Т. 5.
37. Стакле П. Задачи сельскохозяйственной гидротехники в Амурской области / ТАЭ. Вып. VI. СПб.: 1911. 40 с.
38. Сукачев В.Н. Растительность верхней части бассейна р. Тунгира Олекминского окр., Якутской области / Ботанические исследования 1910 года / Под ред. В.Н. Сукачева. Т. I. СПб.: 1912.
39. Схиммельпенник ван дер Ойе Д. Навстречу Восходящему солнцу: Как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М.: Новое литературное обозрение, 2009.
40. Частновладельческое хозяйство в Амурской области. ТАЭ. Вып. II. Т. III. СПб.: 1913. 305 с.
41. Чукаев К.И. Животноводство и кормовой фонд Амурской области. ТАЭ. Вып. VII. Том II. СПб.: 1912. 380 с.
42. Шликевич С.П. Колонизационное значение земледелия в Приамурье. / ТАЭ. Вып. V. СПб.: 1911. 142 с.
43. Шликевич С.П. К вопросу об охотничьем промысле на Дальнем Востоке / ТАЭ. Вып. XIII. СПб.: 1911. 15 с. + Приложения.